

«Ты мертва, но твоя душа все еще здесь?»

Се Панер свернулась в углу, сидя на полу с крепко обнятыми ногами, погруженная в свои мысли. Через долгое время она наконец заговорила: «Молодой Небесный Мастер, я совершила ошибку? Если бы не автомобильная авария, ничего этого не произошло бы, и учитель Лян не была бы отстранена от работы».

Цзи Наньсин просматривал интернет человеческого мира, изучая уже закрытые дела. Так он набирался опыта, чтобы в будущем, столкнувшись с подобными ситуациями, он мог действовать более гибко. Услышав вопрос Се Панер, он на мгновение остановил перо, которым пролистывал планшет: «Ты сожалеешь об этом?»

Се Панер не была уверена, сожалеет ли она об этом. Она не сожалела об автомобильной аварии, в которую попала эта семья, но сожалела о том, что, похоже, это снова навредило учителю Лян.

Цзи Наньсин: «Большинство решений, принятых под влиянием импульса, не являются лучшими решениями. Они лишь позволяют выпустить эмоции в данный момент. Но в пике эмоций даже люди не могут оставаться рациональными, не говоря уже о призраках. Похвально, что ты вовремя опомнилась и не настаивала на их убийстве».

Удивленная похвалой, ранее замкнутая Се Панер мгновенно оживилась и подошла ближе к Цзи Наньсин: «Правда? Тогда есть ли еще способ спасти ситуацию? Есть ли что-нибудь, что мы можем сделать, чтобы помочь учителю Лян?»

Цзи Наньсин отложил планшет и повернулся к ней: «Учитель Лян — твоя одержимость?»

В глазах Се Панер на мгновение отразилось замешательство, затем она покачала головой: «Мне кажется, что у меня много навязчивых идей, но на самом деле их нет. Когда я прыгнула с крыши, я хотела, чтобы они пожалели об этом. Но после того, как я стала призраком и увидела, что они не только не пожалели об этом, но даже использовали мою смерть, чтобы создать проблемы в школе, я почувствовала, что хотеть, чтобы они пожалели, было слишком глупо. Тогда я подумала: пусть будет так, как есть, блуждая по миру людей день за днем как призрак, и когда наступит день, когда моя душа рассеется, все вернется в прах».

Цзи Наньсин: «Если бы ты была жива, сколько бы тебе было лет сейчас?»

Се Панер: «Если бы я была жива, мне бы в этом году исполнилось двадцать четыре года».

Цзи Наньсин: «Если бы ты была еще жива, чем бы ты хотела заниматься в двадцать четыре года?»

После вопроса Цзи Наньсина Се Панер не могла не представить себе. Если бы она была еще жива, чем бы она занималась в двадцать четыре года? Ушла бы она из семьи? Стояла бы она на своей любимой сцене, свободно танцуя? Получила бы она много цветов, аплодисментов и любви окружающих?

Даже если бы ей не посчастливилось получить все эти прекрасные вещи, разве она не была бы на пути к своей мечте, даже если бы ела простую лапшу и вареную капусту, все равно полная жизненной энергии, стремясь к каждому завтрашнему дню.

Завтра, когда-то такое обычное слово, вдруг заставило Се Панер осознать, что у нее действительно больше нет завтрашних дней. Ее жизнь закончилась в ту ночь, когда она прыгнула с высоты.

Се Панер съезжилась в углу у окна, вспоминая прошлое, о котором она не смела думать со времени своей смерти. Боль от пустоты в сердце и воспоминания, к которым она не смела прикасаться, вновь стали ясными.

Се Панер, Панер Панер, ее родители никогда по-настоящему не ожидали от нее ничего.

Ты старшая сестра, ты должна уступать младшему брату. Он еще маленький и не понимает, а ты старше и должна знать лучше. Но тогда ей было всего десять лет.

У ее младшего брата зубы сгнили от того, что он ел слишком много конфет, а она почти не ела конфеты, когда росла. Ее брат, страдающий от зубной боли, все равно жаждал сладкого, и когда она забрала его конфеты, он ударил ее по лицу.

Се Панер вспомнила, что сказал ее отец в тот день. Он сказал: «Ты воруешь вещи своего брата? Девочка такая жадная, тебе не стыдно? Сегодня это конфеты, а завтра ты захочешь украсть что-то еще?»

Она сидела на полу, закрыв лицо руками, и слушала, как отец называл ее бесполезной девчонкой, белоглазой волчицей, говоря, что все в доме будет принадлежать ее брату.

Она знала, тот, кого не любят, всегда знает. В то время она мечтала вырасти, чтобы сбежать.

Но когда она наконец выросла, она решила покончить с собой.

Это был момент, когда танцевальные туфли, на которые она копила, пропуская обеды и раздавая листовки во время обеденных перерывов, были выброшены.

Это был момент, когда ее мать жестоко тянула ее за волосы, била и пинала на глазах у всех, называя ее дешевой шлюхой за то, что она танцевала вызывающе, показывая грудь, ноги и живот.

Это был момент, когда она стояла в коридоре, в синяках и с отеками, слушая, как ее мать ругала учителя в кабинете за то, что он поддерживал ее танцы.

Это был момент, когда они порвали танцевальную одежду, которую она тайно спрятала, сказав ей, чтобы она перестала мечтать, что ей никогда не позволят учиться танцам в этой жизни.

Это был момент, когда ее отец сказал, что она красивая и должна выйти замуж за богатого человека, чтобы помочь своему брату.

Накопившееся холодное насилие, явное предпочтение, она не видела конца этому. Вырастая в такой тьме, она не могла найти новую жизнь.

Она сдалась, отказалась от танцев, отказалась сопротивляться, отказалась бороться и отказалась от себя.

Она не хотела никому быть обузой, не хотела видеть, как ее учительница борется за нее, только чтобы каждый раз слышать ругань. Она написала предсмертную записку и отправила ее в школу, а затем прыгнула с крыши своего дома.

Она думала, что все закончится, но вместо этого ее родители продолжали создавать проблемы в школе, требуя компенсацию за ее жизнь.

Се Панер в душе понимала, что суeta ее родителей была не из-за любви к ней, а чтобы выжать из ее существования последнюю каплю ценности, чтобы получить больше выгоды для своего сына.

Она так сильно ненавидела это, зачем они привели ее в этот мир, если не любили ее.

Если они не любили ее, почему не отпустили ее?

Они были как кровососущие лианы, плотно обернувшиеся вокруг нее, день за днем, год за годом, глубоко проникшие в ее кости и кровь. Оттащить их означало бы разорвать плоть и сломать кости, оставив кровавое месиво.

Се Панер прикоснулась к своему лицу и с удивлением обнаружила, что даже как призрак она все еще может думать и плакать.

Как раз когда она скорбела, Цзи Наньсин, который незаметно подошел, протянул ей фарфоровую бутылку: «Не трать зря, лови».

Се Панер с недоумением подняла глаза: «Что?»

Цзи Наньсин: «Слезы призрака, нечто, действительно смешанное с пониманием жизни и смерти. Эта капля стоит для тебя не менее десяти талисманов Инь-Ву. Собери их в бутылку, потрать хоть одну каплю, и я не помогу твоему учителю Лян».

Се Панэр поспешно взяла бутылку, осторожно собирая падающие слезы, не смея потратить ни одной капли. Но с вмешательством Цзи Наньсина ее печаль, казалось, немного рассеялась. Она пыталась выжать из себя еще слезы, но не смогла.

Наблюдая, как она пытается плакать, Цзи Наньсин улыбнулся: «Ты думаешь, что слезы призрака так легко достать? Даже если я изобью тебя до рассеяния души, ты не проронишь и половины слезы от боли».

Услышав это, Се Панэр не имела выбора, кроме как вернуть бутылку Цзи Наньсин, все еще подтверждая: «У тебя действительно есть способ помочь учительнице Лян?»

Цзи Наньсин: «Учительница Лян действительно такая хорошая?»

Се Панэр кивнула: «Она была первой, кто заставил меня почувствовать, что у меня есть мать».

Учительница Лян была строгой и суровой со своими учениками, но Се Панэр чувствовала от нее тепло, которого она никогда раньше не испытывала.

Как будто человек, вечно попадающий под дождь, внезапно получил зонтик, человек, который никогда не пробовал конфеты, получил кусочек, человек, который никогда не праздновал день рождения, получил свой собственный торт.

Для других это могло показаться мелочью — зонтик, конфетка, маленький торт — вещи, которые они могли легко себе обеспечить.

Но для Се Панэр это были вещи, которых она никогда не испытывала в своей жизни, поэтому даже самый маленький жест, который, возможно, сама учительница Лян даже не заметила, был единственным теплом, которое она когда-либо чувствовала.

Се Панэр смотрела на Цзи Наньсин с надеждой в глазах: «Молодой Небесный Мастер, пожалуйста, помогите мне, помогите учительнице Лян. Я обещаю, что с этого момента буду лучше контролировать свои эмоции, я больше никогда не буду думать о том, чтобы кого-то убить».

Цзи Наньсин: «Ты оставила предсмертную записку в школе?»

Се Панэр кивнула: «Да, я знала, что оставлять его дома бесполезно, они обязательно порвут его и возложат всю вину за мое самоубийство на школу. Поэтому я специально написала предсмертную записку и отправила ее в школу».

Се Панер даже вздохнула с облегчением, как будто она предвидела это: «Впоследствии они действительно пошли в школу, чтобы устроить скандал, пытаясь сказать, что мое самоубийство было вызвано академическим давлением, и даже пытаясь обвинить учителей. Но школа предъявила предсмертную записку, заявив, что если они продолжат создавать проблемы, то будут приняты юридические меры. Только тогда они отказались от попыток вымогать деньги у школы, потому что поняли, что моя смерть не имела никакого отношения к школе, и знали, что в суде они ничего не выиграют».

Цзи Наньсин: «Предписание о самоубийстве уже выполнило свою функцию; представлять его снова сейчас будет бесполезно. Инцидент был зафиксирован в новостях в то время, и его можно легко найти с помощью быстрого поиска. Если общественное мнение все равно будет нападать, то нам нужно будет представить что-то новое».

Се Панер был немного сбит с толку: «Что вы имеете в виду?»

Цзи Наньсин: «В настоящее время твои родители и их семья находятся в больнице, и аудиозапись достаточно, чтобы доказать, что их нынешнее положение — их собственная вина. Но в аудиозаписи фигурируют учителя школы, и не все могут рационально смотреть на правду. Неизбежно возникновение конфликтов и искажение правды ради конфликта и внимания. Поэтому отстранение учителя Лян от работы — это также способ защитить ее. Иначе можно себе представить, как отреагировали бы родители, если бы они об этом узнали».

Се Панер опустила глаза и замолчала. Она знала, она видела это раньше. Несмотря на то, что она оставила предсмертную записку, в которой четко указала причину своего самоубийства, родители все равно пришли в школу и потребовали, чтобы школа разобралась с учителем Лян, заявив, что она не годится для работы учителем.

К счастью, в тот раз школа осталась непоколебимой. Хотя учительница Лян была на некоторое время отстранена от работы, позже она несколько лет преподавала по предмету, и только недавно снова стала классным руководителем.

Но теперь, когда дела пошли на поправку, из-за этой семьи произошел этот инцидент. Самым большим беспокойством Се Панер было то, что из-за этого учительница Лян может потерять дух и больше никогда не захочет преподавать.

«Молодой Небесный Мастер, что нам теперь делать? Есть ли способ исправить ситуацию?»

Цзи Наньсин: «Если предсмертная записка уже использована, то запишите видеозавещание».

Се Панер удивилась: «Видеозавещание? Как? Я уже мертва. Если оно будет сгенерировано искусственным интеллектом, его можно будет обнаружить».

Цзи Наньсин улыбнулся: «Вы мертвы, но ваша душа все еще здесь».

<http://bllate.org/book/15715/1405733>